

Имя молодого белорусско-го драматурга Алексея Дударева хорошо известно зрителям. Его пьеса «Порог», посвященная острой социально-нравственной проблеме, идет на сценах многих театров страны. Жизни современного села посвящена его пьеса «Вечер». Недавно состоялась ее премьера на сцене Московского академического театра имени Моссовета.

Интересно и обращение драматурга к теме Великой Отечественной войны. Действие пьесы «Рядовые» происходит в последние дни войны, накануне великой Победы.

Сегодня мы публикуем отрывок из новой пьесы.

Стена небольшой кирпичи, пробитая почти во всю длину тяжелым снарядом. Громадный черный пролом, обрамленный толстыми из красного битого кирпича стенами. Груды рыжего щебня. Слева и справа сохранились небольшие продолговатые окошечки с витражами, немного лепки — и все. Остальное на земле.

В здании суетятся люди. Рядом, совсем рядом грохочет бой. Взрывы, пулеметные очереди, багровые сполохи в витражах. Наверное, это КП. Хриплый голос телефониста не дозвонится:

— Победа, Победа, я — Заря... Победа, Победа, я — Заря... Ну куда же ты подевалась? Победа, роденькая, я — Заря...

Слышны и другие голоса: — Куда?! Куда, мать вашу! Что он делает? Дай Горбачевского... Назад! Назад, я сказал! Пропускайте их... Пехоту, пехоту отсекайте!!!

— Первый закрепился... — Перенести огонь! — Бей по левому флангу... Там у них танки откуда-то!

Алексей Дударев

— Сурнач! Хватай всех, кого можно — дуй налево к Горбачевскому. Скажи, прикажи, чтоб... Одним словом — дуй! Там разберешься!

— Победа, Победа, я — Заря... Победа, Победа, я...

Из грохота боя выделяется пронзительный визг тяжелого снаряда. Нарастает, приближается...

— Ложись!!
Взрыв! Противоположная стена вздрогнула и почти вся обрушилась на людей. Возник еще один пролом. Солнечные лучи сквозь пыль ворвались в здание. Это только казалось, что на улице весенний солнечный день. Все неожиданно умолкло. И вместо пулеметных очередей рассыпал свои трели соловей. Далеко через пролом видны спокойный лес, ровный зеленый луг, ветви дерева, растущего возле здания. Несколько секунд все недвижимо. Потом в одном месте из-под обломков и битого кирпича поднимается контуженный телефонист, все еще прижимая к уху разбитую телефонную трубку.

ТЕЛЕФОНИСТ (смотрит перед собой широко открытыми незрячими глазами и идет на стену). По-бе-да... По-бе-да... Я — Заря... (Натыкается на стену, поворачивается, идет по битому кирпичу к пролому навстречу солнечному свету). По-бе-да-а... Роденькая... По-бе-да-а. (Падают в пролом).

Поет-заливается соловей. Пауза. Издали медленно-медленно идет Дервоед. Усталый, в пыли, без каски. Трудно определить его воз-

раст. Может, под сорок, а может, и тридцать лет. Седой весь, даже брови седые. Измученные глаза все время смотрят под ноги. Прошел через пролом, прислонился к стене, опустился на пол. В проломе возникает молодая белокурая Женщина с ребенком на руках. Длинная, вышитая красным белая сорочка. Стоит и качает ребенка. Беззвучно, медленно.

Дервоед (тяжело). Живой, живой я, Марья... Хочешь, не хочешь, а живой... Прости ты меня.... Извелся весь...

(Женщина не отвечает. Качает ребенка).
Пусто в моем сердце, Марья... Выкипело все... Отпусти ты мою душу... Хоть малость на войну спиши... Хоть чуть-чуть... (Женщина не отвечает. Качая ребенка, исчезает. Через проем входит Буштец. Усталый коренастый парень лет под тридцать. Говорит всегда чуть нервно. Глаза сухие и колючие).

Буштец (присел у стены, снял каску, вытер пот). Целый партизан?

Дервоед. Целый...
Буштец. Меня один, стерва, прикладом звезда-нул... Котелок трещит... Гальчанского не видел?
Дервоед. Не...
Буштец. Дай глотнуть чего-нибудь... (Дервоед снимает измятую флягу. Трясет над ухом).
Дервоед. Нема... Вытекла... Осколком, кажись, зацепило.
Буштец. Везет тебе...
Дервоед. Ага...

Буштец. Кого из наших видел?

(Дервоед не отвечает. Молча смотрит перед собой). (Нервно). Ну чего ты смотришь? Чего смотришь?

Дервоед. Тяжко мне...
Буштец. Мне легко! Так легко — полечу скоро...

Дервоед. То добре... (В проломе появляются еще два бойца. Худой с бледным лицом Соляник ведет Одуванчика с перебинтованной головой. Это совсем мальчишка. Голова в белых кудряшках, только в одном месте над левым виском волосы не растут. Плачет. Соляник отпустил товарища, снял каску, снял с плеча автомат, перекрестился).

Буштец. Что, Одуванчик, получил на баранки?

Одуванчик. Боли-ит...
Буштец. Иди в санбат... (Солянику). Отведи его, Матвей...

Одуванчик (всклипывая). Ухо, паскуда, отгрыз... Схватились в траншее... У него тесак, а у меня автомат... Друг друга за руки — и танцуем... Он меня ногой — я его ногой... Худющий, старый, а жилистый... И так я его и элак... Как клещами за руки схватил! А потом пасть раскрывает, зубы желтые, редкие, и за нос меня — цап!

Я лицо в сторону, а он за ухо, барбос поганый! И грызет...

Буштец. Ты бы ему еще что-нибудь подставил...
Одуванчик. Ну как я без уха? С одной стороны подмоленный, а с другой без уха!

Буштец. В цирк пойдем... Людей смешить...
Одуванчик. Спасибо

Мишка Гальчанский подошел... Заколот гада, а то он бы меня совсем загрыз...

Буштец. А где Гальчанский?

Одуванчик. Откуда я знаю? Он дальше побежал...
Соляник. Успокоился Мишка... У ворот лежит... Шага три до стены не добежал...

Буштец. Может, ранило?

Соляник (покачал головой). Я ему глаза закрывал...

Буштец (вдохнул). Значит, закурим его табачок... (Достал из кармана измятую пачку «Казбека». Дервоеду). Бери, партизан... Говорил, если что — на поминки вам оставляю. А дойдем до Берлина — перед Гитлером выкурю, а окурок у него на лбу затупит...

Дервоед (берет папиросу). Не затупит...

Одуванчик. Дай и мне...
Буштец. Кашлять будешь...

Одуванчик (зло). Дай мне!

Буштец. Чего орешь? У меня уши целые... (Солянику). Матвей, потянешь сатанинского зелья? Бери, бери... Помяни Мишку Гальчанского...

Соляник. Я помяну... (Папиросу не берет).

(Сидят. Курят. Молчат).
Буштец (задумчиво смотрит на дымок). Вот и все, Мишка... Старики твои и детки малые в Ленинграде от голода померли в блокаду, жена на фронте погибла, сам ты пять раз был ранен и два раза контужен и лег костями на чужой земле перед концом войны... (Нервно за-

тушил папиросу о собственной ладонь). Два года под одной шинелью спали, из одного котелка ели, по очереди наркомовскую пили! Мне бы сейчас выть, волосы на себе рвать, а я курю его папироски, и хоть бы... Даже вроде бы и рад, сволочь, что не меня, а его сегодня уложило...

Соляник. Уже и плакать не можешь?..
Буштец. Чем плакать? Если бы по одной слезе на каждую смерть, на все, что видел, да я бы по капельке расплескался от Ржева до Германии...

Соляник. Тяжко тебе будет...

Буштец. Иди ты!

Одуванчик (подошел к Дервоеду). Дед, а мне нашивку дадут?

Дервоед. Что?
Одуванчик. Нашивку, говорю, дадут за ухо или нет? Ну, как у Гальчанского было... Ранение все-таки... Легкое...

Буштец. Нашивки за ранение от пули дают.

Соляник (тихо). Господи, дай нам силы...
Буштец. Кому ты молишься, охламон? Это же кирха!

Соляник. Бог один...
Буштец. Тут, может, Гебельса крестили, а он молится, придурок. Одуванчик, попроси, пускай он тебе нашивку вымолит...

Дервоед. Не тревожь человека... (Одуванчику). А ты за нашивками не гонись... Хватит с тебя нашивок и на сердце... Живым надо остаться...

Одуванчик. А меня

не убьют... Я еще маленький был, матери цыганка на меня гадала... По жилкам... У меня тогда на лице жилки такие синенькие были... Говорит, пускай воды боится. От огня, от пули и от чохотки на нем заклятие лежит... А воды пускай боится. Огонь меня и не взял... Нас палили... Приходят, руки погрели у печи, спрашивают: «Матка, яйка, млеко, шпек партизан даваль?» Нет, говорим, нету, не знаем... «Шлехт, — говорят, — плёхо, капут». К печке лицом поставили. У матери сестричка маленькая на руках. Мать просит: «Паночки, чтобы уж только деткам больно не было... Не стреляйте больно...» А Зоська на ухо шепчет: «А это не шекотно, когда стреляют?». Шекотки боялась. Шекотно не было. И больно не было... Они нас обушком по голове каждого... Чтob не мучились, значит... (Солянику). Слушай, Матвей, а я тогда бога в бреду видел. Это не грех?

Соляник. Это знамение...

Буштец. Тьфу!

Одуванчик. Знамение... Стою, кажется, на снегу... Вокруг ни души... Ни хат, ни деревьев... Как замерзла земля. Один ровный снег. Бог подходит. С бородой, с лысиной, все как положено... Здоров, говорит, Леня... Здоров, говорю, хоть тебя и нету. Даю тебе, Леня, медаль... Снимает солдце с неба и давай мне на голову напояливать... А оно горячее, страшно! Аж мозги закипают... Реву, отталкиваю его, а он мне солнце, как кепку, на голову...

Соляник. Благодать на тебе, Леонид...

Одуванчик. Горячая головня на мне была, а не благодать... Очухался, а она вот тут, возле виска до-

горит... Выжгла все, и волосы не растут...

Дервоед. Ты бы их захесывал на это место...

Одуванчик. Так что я ни огня, ни пулю не боюсь... Из огня кто-то вынес, в партизанах в разведке был, на железку не раз ходили, почти год воюю — и хоть бы царапина... Пули только рядом посвистывают... Тив-в-в... Вот только ухо сегодня пострадало... И то не пулей...

Буштец. Моему дядьке цыганка нагадала: погибнешь от водки. Напуга-ала — двадцать лет не пил... Даже пива. И погиб.

Соляник. Начал все-таки?

Буштец. Соседка над нами жила. Ее мужик любил это дело. Начала однажды гонять его, нераспечатанную бутылку через окно выкинула, а дядька на лавочке сидел во дворе... Бутылка «москвовской особой» по темечку — тук! И готов. Погиб от водки... (Неожиданно). А похоронят в братской?

Дервоед. Кого?

Буштец. Мишку...
Дервоед. Сходи глянь...
Буштец. Не пойду! Никого мертвым не видел... Ни матери, ни отца, ни сестер... И его не хочу! Сходи ты, партизан? А? Скажи «прости» за меня... Ну чего ты смотришь? Сходишь?

Дервоед. Хорошо... Что то из молодых никто не подводит...

Буштец. Все в кучу, как овечки, лезли. Только залажем — со всех сторон ко мне ползут! Куда, мать вашу?! По кучам только и лупят. Все равно ползут. Страшно по одиночке. Меня Мишка в атаках и близко к себе не подпускал. Смерть, говорит, дохнет надо мной, и тебе достанется... Чувствовал, наверное...